

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Во сне я бегу по грязи в трепещущей белой ночной сорочке. Слышу, как ноги шлепают по раскисшей земле — плюх-плюх-плюх.

Я несусь по ледяным лужам и чувствую холод, хоть и осознаю, что сплю. Я знаю, что шепот, который я слышу, — это теплый ветер в листве.

Я ощущаю дуновение на лице, различаю шепот сквозь «плюх-плюх-плюх» босых ног, расплескивающих грязь во все стороны.

В лиловом небе, над колышущимися деревьями, месяц скалится кривой ухмылкой. Он напоминает серебряный кулон, который висит на цепочке у меня на шее.

Во сне месяц сияет так близко, что я могла бы протянуть руку и поймать его. Но я не останавливаюсь, чтобы сделать это. Кто-то за мной гонится. И я понимаю, что если обернусь, то увижу его.

Но даже осознавая это, я все равно не могу удержаться и оглядываюсь. В своих снах я ничего не контролирую. Я не управляю собой.

Р. Л. СТАЙН

Я бегу босиком по раскисшей грязи под раскидистыми ветвями. Мне страшно. И у меня есть на то веские причины.

Потому что, когда я оборачиваюсь... когда бросаю быстрый испуганный взгляд за плечо... там волчица. Черная волчица — частый гость моих снов.

Она ворчит и рычит, нагоняя меня беззвучной рысью. Опускает голову, словно готовясь к атаке. Черный мех на ее спине встает дыбом. И снова я вижу ее глаза. Голубые, как у меня. У черной волчицы мои глаза.

У меня черные волосы и голубые глаза, а у волчицы голубые глаза и черная шерсть. И я пытаюсь убедить себя во сне, что не спятила. Многим снятся кошмары. Одни и те же кошмары, снова и снова.

Но мало кому снятся звери с их глазами. И почему волчица внушает мне такой страх? Я сплю, но чувствую, что сердце трепыхается, словно бабочка.

Гляжу на нее. Наши голубые глаза встречаются. Ее длинная морда кривится. Густая белая слюна сочится из пасти. Черная волчица щерится, издавая глухой угрожающий рык, сдавленный, захлебывающийся.

Я хочу отвести взгляд. Но ее глаза удерживают меня, парализуют.

И внезапно я сама становлюсь волчицей.

Я волчица. Черная волчица.

ТЫ УМЕЕШЬ ХРАНИТЬ ТАЙНЫ?

Во сне я становлюсь волчицей, неотрывно глядящей на другую волчицу.

Мы бросаемся в атаку. Мы сражаемся. Рычим и беснуемся, разбрызгивая пену. Кусаемся, полосуем друг друга когтями, сшибаемся головами и рвем, рвем друг друга на части.

Я в бешенстве. Ярость разрывает меня. Разрывает...

Я просыпаюсь с криком. Пытаюсь вскочить с постели. Запутавшись в одеяле, валяюсь на пол. Бухаюсь на бок.

Я задыхаюсь. Сердце скачет в груди. Несколько раз моргаю, прогоняя сон. Отмахиваюсь от навязчивых картин — волчья морда... ярость... голубые глаза...

Я в своей комнате. В открытое окно струится серебристый лунный свет.

— Эй,— бормочу я, продолжая отгонять пугающие образы.— Эй. Очередной кошмар. Просто кошмар. Вот и все.

С другого конца комнаты доносится голос, напугавший меня.

— В чем дело?

Моя сестра Софи садится. Мы с ней делим одну комнату. В глазах Софи — голубых, как и у меня,— отражается лунный свет из окна.

— Очередной кошмар приснился,— отвечаю я, по-прежнему дрожа.

— Опять волки? — Она подходит и кладет теплую ладонь мне на плечо.

Р. Л. СТАЙН

Я киваю.

— Да. Опять.

Она заглядывает мне за спину, и глаза у нее становятся круглыми, а рот распахивается. Она проходит мимо меня и склоняется над постелью.

— Эмми? Почему у тебя вся простыня разорвана в клочья?

2

Дрожь прокатилась по телу. Обернувшись, я усталилась на разодранную простыню. Софи включила лампу на ночном столике, и мы молча стали разглядывать урон.

У меня ум заходил за разум. Я искала хоть какое-то объяснение. Ощущение было такое, словно я до сих пор сплю. Я пыталась вырваться из кошмара, но ничего не получалось.

Софи обняла меня. Ее короткие черные волосы были влажными от пота и липли ко лбу. Ей пятнадцать, на два года меньше, чем мне, но мы выглядим как близняшки. Одинаковые высокие скулы, бледная кожа и голубые глаза. Вот почему она так коротко стрижется, а один висок вообще выбривает наголо. У меня-то волосы ниже плеч. Софи просто достало, что ее вечно со мной путают.

— Эти ужасные сны...— проговорила она, отпустив меня и отступив на шаг. Лицо ее было встревоженным.

Р. Л. СТАЙН

Я не отрываясь смотрела на окно.

— Софи, когда мы ложились, окно разве не было закрыто?

Она обернулась.

— Не знаю. Вроде бы. Точно не вспомню.

Я снова взглянула на окно, на серебряный месяц высоко в небе. Порыв холодного ветра взъерошил мне волосы. И я опять содрогнулась.

* * *

Я далеко не сразу смогла заснуть. А мама, как назло, разбудила меня ни свет ни заря, брэнча на кухне тарелками. Ну чего ей так неймется разгрузить посудомоечную машину? Обязательно делать это в семь утра в субботу?

Я натянула вчерашние линялые джинсы, наименее мятую из футболок — и бегом на кухню. Мама в халате склонилась над белой стойкой: волосы всклокочены, во рту — утренняя сигаретка. Одну она высмаливает по утрам, а вторую — после ужина. Две в день. Причем уверяет всех, что не курит.

Папа говорит, что, если бы она позволяла себе лишнюю чашку кофе, ей не нужна была бы сигарета. Он у нас в семье самый практичный. Наверное, потому его никто и не слушает.

Вообще-то, Софи больше пошла в папу. Они оба тихони, из тех, кто лучше посидит в уголке с книжкой, чем пойдет гулять. А мы с мамой очень общи-

ТЫ УМЕЕШЬ ХРАНИТЬ ТАЙНЫ?

тельные. Интересно, многие семьи вот так разделены на два лагеря?

— Мам, мне опять волки снились,— сообщила я сиплым ото сна голосом и прочистила горло.

Она затушила сигарету, сдула прядь со лба. Волосы у нее соломенного цвета, а глаза карие. Она совсем не похожа на нас с Софи.

Она покачала головой.

— С тех пор... — Она вздохнула. — С тех пор, как тебе было пять и тебя покусала та собака... тогда и начались эти сны.

— Знаю,— буркнула я. — Расскажи что-нибудь новенькое.

Мама распрямилась.

— А вот грубить не нужно. Я имела в виду...

— Мы постоянно это обсуждаем.— Я немного сбавила тон. — Но почему я не помню, как меня покусала собака?

Мама теребила поясок халата в черно-белую клетку.

— Ты, Эмми, была совсем маленькая. Много ли ты помнишь с пятилетнего возраста?

— Нет, ну что-то помню,— ответила я. — Детский садик немножко. Но вот собаку... Думаешь, я могла забыть такой кошмар?

— Ты заблокировала его в своей памяти, дорогая,— сказала она, наконец подняв на меня глаза.— Мы это уже обсуждали. Такие мучительные воспоминания люди обычно стараются забыть. О таком и думать не хочется.

Р. Л. СТАЙН

— Но, мама...

— Неужели ты совсем ничего не помнишь? — спросила она. — Мы были за границей, навещали твою двоюродную тетушку Марту в деревеньке под Прагой. Меня там тогда не было, но она все видела. Та собака выскочила из леса и набросилась на тебя. И она...

Тут в кухню босиком прошлепала Софи, громко кашляя. Пару раз шмыгнув носом, она сообщила:

— Кажется, я простыла.

— Да это опять аллергия, — возразила я. — У тебя каждую весну так, вечно ты забываешь.

Она снова закашлялась.

— А у тебя почему аллергии нет?

— Так мы же не близнецы, чтоб болеть на двоих.

И слава богу.

Мама налила себе кофе.

— Софи, ты в тот день была с тетей Мартой, — сказала она. — Помнишь, как собака выбежала из леса и покусала Эмми?

Софи закатила глаза.

— Опять двадцать пять? Мам, мне тогда было три годика. Как я могу что-нибудь помнить?

Мне не хотелось продолжать этот разговор, но уж больно я расстроилась после сна. У меня было ощущение, что мама чего-то недоговаривает. Нет, она, конечно, не стала бы мне лгать, но что-то в этой ситуации не сходилось.

— А шрам? — Подняв правую ногу, я закатала штанину. — Ты говоришь, она укусила меня за ногу. Но шрам-то где?

ТЫ УМЕЕШЬ ХРАНИТЬ ТАЙНЫ?

— Зажил,— ответила мама, вертя в руке чашку с кофе.— Тебе повезло. Рана очень быстро затянулась.

Я смотрела на нее. За спиной у меня бормотало радио. Два голоса что-то обсуждали — наверное, новости.

— Но, мам,— сказала я. И почему я никак не могу успокоиться? — Мне же волки снятся, а не собаки.

Она пригладила рукой волосы.

— Доктор Гольдман объяснит лучше, чем я. Не знаю, почему ты так упорно отказываешься показаться ему. Иногда во сне мы преувеличиваем свои реальные страхи. Вот и у тебя собака превратилась в волка. Но это не значит...

— Ш-ш! — Я подняла руку, чтобы она замолчала. Мое внимание привлекло сообщение по радио. Я придвинулась поближе, чтобы лучше слышать.

— В чем дело? — спросила мама.

— Ш-ш-ш! — Я склонилась к приемнику.

— Нападение произошло вчера ночью в шейдисайдском парке позади школы,— вещал репортер.— О нем сообщил в полицию Делмар Хокинс с Норт-Хиллс. Он выгуливал собаку вдоль тропинки, ведущей к реке, как вдруг огромный черный волк выскочил из чащи и набросился на питомца. В полиции подтверждают, что собака была зверски убита. На данный момент служители порядка прочесывают парк в поисках черного волка, задействован вертолет. Тем временем...

Р. Л. СТАЙН

Репортаж продолжался, но слова уже потеряли для меня всякий смысл, слившись в невнятный шум на фоне. Меня прошиб озноб, кровь застыла в жилах, превратившись в лед.

В голове кружились безумные мысли. Вчера ночью мне снилась черная волчица, и в это же самое время в Шейдисайдском парке появился настоящий черный волк. Настоящий черный волк выбежал из чащи и убил чью-то собаку.

Разумеется, это не имеет ко мне никакого отношения. Разумеется, это всего лишь невероятное совпадение.

Тогда почему меня так трясет? Откуда это странное чувство?

— Эмми? Что случилось? — ворвался в мысли голос Софи.

Я не ответила. Я вдруг вспомнила свою простыню, разорванную в клочья. Схватив маму за руки, я вытащила ее из-за стойки. Ладони у нее были теплые, а у меня — ледяные.

— Мам, пошли со мной. Я должна тебе кое-что показать.

Она высвободила руки.

— Не тяни, сама пойду. Что с тобой, Эмми?

— Сейчас покажу, — ответила я, направляясь в коридор. — Ты должна на это посмотреть.

— Ну ладно-ладно. Иду.

— Вчера во сне... я бежала по лесу, — говорила я задыхаясь. — Босиком. По грязи. А когда проснулась... простыня... она была разорвана... в лоскуты просто.

ТЫ УМЕЕШЬ ХРАНИТЬ ТАЙНЫ?

Мама не проронила в ответ ни слова. Слыша, как Софи чихает на кухне, я снова схватила маму за руку и подтащила к своей кровати.

– Полюбуйся.

Мы уставились на спутанную простыню. У меня отвисла челюсть. Дыхание оборвалось.

Простыня была целехонька.